

У Жун не мог пошевелиться.

Звон колокольчика, пробиравший до самого сердца, доносился из-под его кровати, как ядовитая змея, ползущая по позвоночнику, холодная, склизкая и жуткая. У Жун с завязанными глазами и обостренными чувствами в крошечной тьме чувствовал себя так, как будто на него давит тяжелая глыба льда, со свистом втягивая холодный воздух.

— Король, я иду, иду, я заставил тебя ждать.

Голос ребенка был необычайно звонким, одновременно далеким и близким, он перестал быть просто какофонией звуков, проникая прямо в сознание У Жуна.

— Так трудно уловить призрачную энергию твоего тела, как ты позволил наложить на себя такой мерзкий талисман, король. Мерзко, очень мерзко!!!

Неудивительно, что талисман не сработал!

Температура упала еще ниже, ребенок-призрак был так же несдержан, как и любой обычный ребенок, и люди в том же купе под действием его призрачной энергии уже замерзли до состояния бреда и дрожали, но У Жун чувствовал лишь небольшую прохладу.

Эта прохлада была очень комфортной, как будто заходишь в комнату с кондиционером в жаркий солнечный день, такая прохлада успокаивает тело. Он тайно копил силы, чтобы вырваться на свободу, не произнося ни слова. Вскоре после истерики голос ребенка-призрака смягчился, как будто он привык к ответному молчанию, и зазвучал застенчиво, даже жалобно:

— Король, я был первым, кто нашел тебя. Ты должен вознаградить меня. Дай мне съесть одну из твоих ног, хорошо?

Ребенка-призрак жадно сглотнул слюну сказав такую кровавую и ужасную вещь невинно и по-детски. Он продолжал говорить У Жуну:

— Я съем только одну ногу, только до икры. Это не больно, и вообще, король, скоро ты сможешь восстановиться с помощью остатков души Короля Белой Кости, так что дай мне немного поесть, я первым нашел тебя.

"Почему ты называешь меня королем?"

У Жун вскинул брови, услышав это, и в то же время он почувствовал, что оковы на его теле немного ослабли после того, как он ощутил прохладу. Он попытался задать вопрос мысленно. Во-первых, что бы озадачить это убогое преследующее его отродье, а во-вторых, он старался как можно дольше потянуть время.

— Король есть король. — Конечно, ребенок-призрак услышал его и немного расстроился: — Я хочу только одного — ногу, король, ты забыл меня? Скоро мы прибудем в место, где мы с тобой впервые встретимся, но я отчетливо помню только как ты разорвал меня и проглотил, оставив только одну ногу. Кажется, это будет через шесть месяцев? Я не помню точно.

У Жун понял каждое слово, но не мог понять что означают эти предложения. Что призрак имел в виду, говоря, что через шесть месяцев он съест его и разорвет на части, оставив только одну ногу? Был ли этот ребенок особенным и мог видеть будущее, или...

Внезапно в голову У Жуну пришла невероятная мысль.

Это создание не могло тоже переродиться, верно?

"Точно, почему я об этом не подумал!"

У Жун почувствовал холод на лице, а затем повязка упала с его глаз. Он открыл глаза, и перед ним предстало маленькое зелено-серое лицо. Зрачков не было, только белки глаз, а призрак и У Жун были прижаты друг к другу, рот призрака с острыми, как у акулы, зубами светился черным светом. Человек и призрак находились очень близко друг к другу. Обычный человек испугался бы до смерти при виде этой штуки, но У Жун...

Он был голоден.

Голод поднимался из глубины его души, как будто он видел не ребенка, а шоколад или что-то в этом роде. Но в то же время этот позыв был инстинктивно отвратителен и безвкусен, короче говоря, он видел ребенка-призрака именно таким "съедобным, но бесполезным".

С ним действительно что-то было не так.

У Жун осознал это уже потом, а в тот момент маленький сопляк ковырялся в его левом веке, обдувая его прохладным ветерком.

— Даже призрачного глаза нет, я не ожидал, что ты так слаб сейчас, король!

Ребенок-призрак был так взволнован, что его радость и восторг почти выпирали из его маленького зелено-серого лица, и он широко открыл рот с отвратительным и ужасающим выражением:

— Я передумал, почему бы мне не съесть тебя и не стать королем самому?

— Основатель Саньцин находится на вершине, а Санмао возвращается в мир, божественный талисман повелевает тебе, Чанчуань, выслушать приказ, если ослушаешься, громовой удар снизойдет на тебя тут же, безотлагательно, как закон!

Бум!

В вагоне прогремел гром, заставив всех заткнуть уши и зажмурить глаза, но черный туман мгновенно рассеялся. Ребенок-призрак закричал от удивления и гнева. Затем У Жун увидел старшего небесного наставника, стоящего у двери с головой, покрытой испариной, с мечом в одной руке и поднятой рукой, рассыпающей клейкий рис, как россыпь цветов с неба. Ребенок-призрак закричал и отступил к окну!

— Все убирайтесь отсюда!

Чжоу Сюнь бросился внутрь, и потусторонняя энергия наполнила вагон с одного щелчка его пальцев, мгновенно приведя в себя У Жуну и остальных пассажиров:

— Освободите больше места, чтобы мы с ним разобрались!

Бах!

С громким хлопком небесный наставник отлетел назад, столкнулся с Чжоу Сюнем и врезался в стену, он был весь в крови, его талисманная бумага рассыпалась в пыль, он дергался от боли,

явно потерпев поражение. Чжоу Сюнь разразился нецензурной тирадой и без раздумий бросился на ребенка-призрака, сорвал с лица свою маску, а затем широко раскрыл на него рот. Черная дыра в его горле наполнилась зловонием ужасных белых призрачных язв, рот Чжоу Сюня становился все больше и больше, он мог бы вместить даже два баскетбольных мяча, полностью потеряв нормальные человеческие очертания. Достигнув своего предела, он фактически проглотил ребенка-призрака одним глотком!

— Глоть... быстро... уходите...

Щеки Чжоу Сюня вздулись и напряглись, от боли на них проступили вены, а слова звучали глухо и невнятно. Он в одиночку вышвырнул за двери купе тетушку, а за ней следом и дядю и пошел вытаскивать У Жуна, который был дальше всех от двери. Но в этот самый момент его глаза закатились, и его внезапно начало сильно тошнить. Большие струи дурно пахнувшей, густой желто-белой жижи падали на землю, как гной из выдавленной раны, и в эту лужу упала белая кость — фаланга пальца ребенка.

Густая черная призрачная аура собралась, и из кости пальца снова появился ребенок-призрак, его зеленая кожа была покрыта призрачными язвами, он выглядел страдающим, две призрачные силы сражались друг с другом, но ребенок-призрак без колебаний сделал жадный и злобный выпад в сторону У Жуна, который во время хаоса собирался подойти к двери.

Порывистый ветер и жуткая призрачная аура заставили У Жуна быстро среагировать и перекатиться, чтобы избежать укуса ребенка-призрака, но в результате он оказался еще дальше от двери. В условиях крайней опасности он был удивительно спокоен. Когда ребенка-призрака снова набросился, он поднырнул под кровать, схватил бамбуковую корзину и бросил ее в призрака своими длинными руками!

— Кукареку!

Разорванная бамбуковая корзина наконец разбилась, и из нее вылетел петух с красными перьями. Ребенок-призрак выглядел страдающим, он закричал высоким пронзительным голосом. В следующее мгновение окровавленный меч из персикового дерева рассек кость фаланги пальца! Окровавленный даос снова встал, сильно прикусил кончик языка и выплеснул полный рот крови, чтобы остановить ребенка-призрака. В это время Чжоу Сюнь вытолкнул У Жуна наружу.

— Убирайся отсюда!

Крики ужаса детей и выкрикиваемые команды проводников смешивались в проходе. Все проводники, включая кондуктора, направляли пассажиров к выходу, и благодаря их усилиям люди отходили организованно, хотя и с опаской. Догнав группу, он посмотрел в окно и увидел в насколько опасную ситуацию они попали.

Поезд слетел с рельсов, наполовину свисая с обрыва и в окно было хорошо видно пропасть глубиной не меньше трех километров!

— Не толкайтесь, время есть, мы успеем! — кричал проводник во весь голос, его не очень сильное тело почти растоптали на земле, пока он отчаянно пытался сохранить порядок.

В этот момент в потоке людей впереди возникла суматоха. Когда все в панике спасались бегством, кто-то, рассекая поток в противоположном направлении, одетый в даосский халат, пробился сквозь толпу. Проводник ужаснулся, увидев его:

— Даосский священник Юнь, разве вы не должны охранять людей впереди? Почему...

— Пока что там нет опасности, я должен остаться и сражаться.

Лицо даоса-подростка еще детское, но уже школьного возраста, выражение страха на его лице не рассеялось, но глаза полны решимости. Кто-то неловко посмотрел на него и прошептал:

— Ну, ты еще ребенок, давай пойдем вместе...

— Я не ребенок, я — небесный наставник.

Молодой даос стиснул зубы, его голос немного дрожал, но был очень решительным:

— Это мой долг.

Не раздумывая, он пробился сквозь толпу и устремился прямо к вагону, откуда доносились звуки ожесточенной борьбы. Из толпы донеслось несколько сдавленных всхлипов, но большее число людей замолчали и ускорили темп отступления, не теряя времени, за которое отчаянно сражались бойцы. Мир — опасное место, в нем много призраков и опасностей, но среди этого ужаса были хорошо заметны редкие таланты, которые ярко горели и собирали волю всех, как пламя.

Под крики детей и хриплые команды проводников толпа быстро рассеялась, и в мгновение ока большинство пассажиров благополучно скрылись на горной тропе. В то же время звуки битвы из задней части поезда становились все более интенсивными, поезд дрожал, крики призраков и вой были настолько резкими и пронзительными, что кружили людям головы, и, наконец, очередь закончилась, оставив перед У Жуном только мать с ребенком на руках.

Ребенок плакал всю дорогу, его голос был хриплым, и мать с тревогой уговаривала его, осторожно выходя из вагона.

Бум!

Раздался оглушительный взрыв, и весь поезд сильно трянуло. Крыша поезда треснула, в воздух взлетела окровавленная фигура и сильно ударилась о скалу, потеряв сознание. Это был Чжоу Сюнь, у которого была сломана левая рука. В его горле зияла кровавая дыра, воздуха оттуда выходило больше, чем вдыхалось. Следом вылетели еще две фигуры.

Старший даосский священник, сплевывая кровь, нес молодого даосского священника, жизнь и смерть которого были неизвестны, в одной руке, а в другой был машинист поезда с окровавленной головой. Спотыкаясь, он спускался по горной тропе с изможденным и паническим выражением лица.

— Шевелитесь, Компас Четырех Слонов не сможет сдерживать его долго, он становится сильнее! Поезд сползает вниз. Время на исходе. Там внизу руины поля битвы, даже если призрак упадет, он будет поглощен!

Вдруг из поезда раздался душераздирающий крик ребенка, и выражение лица даосского священника резко изменилось:

— Нет, в поезде еще кто-то остался!

Поезд, полностью потерявший равновесие, накренился и закачался как качели, и пройдет

совсем немного времени, прежде чем он сорвется в пропасть. Выход был уже близко, но У Жун был заблокирован. Удар был настолько внезапным, что мать, выходя, застряла на лестнице и со щелчком сломала себе кость. Не удержавшийся ребенок упал и прокатился несколько метров внутри накренившегося вагона, сильно ударившись об угол и истекая кровью, плача.

— Мой ребенок, мой ребенок!!!

Лицо матери покрылось холодным потом, и она была на грани того, чтобы разрыдаться от волнения. У Жун сделал несколько шагов назад и поднял плачущего ребенка одной рукой.

— Спасибо, спасибо, спасибо!

Черные волосы матери были в беспорядке. Она жадно смотрела на ребенка и изо всех сил старалась не подать виду, что ей больно:

— Пожалуйста, возьмите его скорее и пройдите по мне. У меня сломана нога, и я не могу двигаться. Поезд сейчас упадет с обрыва, уже слишком поздно, пожалуйста, уходите, и возьмите его с собой!

Угол наклона поезда становился все больше, а скорость его скольжения вниз — все выше и выше. Острая земля и камень изрезали руки молодой матери в кровь, выдирая плоть. Она терпела боль, наклоняясь к земле настолько это было возможно, и ее худые и дрожащие плечи прокладывали дорогу жизни перед У Жуном.

Поезд вот-вот упадет с обрыва, и если ступить на нее, то можно спастись и остаться в живых.

У Жун молчал, его глаза запали и стали еще холоднее. Он выглянул наружу и увидел, как даосский священник подбежал уже совсем близко к ним, повертел ребенка в руках и, не раздумывая, швырнул его наружу. Он попал в объятия даосского священника, который поспешно вытянул руки, чтобы поймать его.

Тяжело раненный даосский священник попятился назад, но У Жун уже развернулся и со всей силы нанес сильный удар ногой по стыку поезда и лестницы.

Бам!

Наспех установленная складная лестница оказалась неустойчивой, и с помощью двух ударов физически довольно сильный У Жун с легкостью сдвинул ее. К этому времени поезд накренился более чем на сорок пять градусов, и стоять в нем было трудно. Вцепившись в поручень, У Жун в последний раз сильно ударил ногой, и лестница наконец упала, мать, зацепившаяся ногой, тоже упала и была поймана прибывшим как раз в этот момент на помощь проводником.

— Прыгай вниз, парень! Поезд летит в пропасть!

Проводник тревожно крикнул снизу, и тело У Жуна покачнулось: поезд теперь напоминал "Титаник", который тонет, натолкнувшись на айсберг, поэтому было очень трудно сохранять равновесие. Присмотрев место для приземления, он отпустил перила и прыгнул, ветер со свистом пронесся мимо него, и тут позади него внезапно повеяло холодом. Он увидел жесткое, застывшее лицо проводника и услышал возгласы толпы.

— Осторожно!

Даосский священник, упавший на землю, из последних сил бросил свой меч из персикового дерева; но сила подвела его, он пролетел мимо У Жуна и канул в бездне.

Ледяной холод сковал тело У Жуна, а в его ушах зазвучал шум ветра и ехидная усмешка призрачного ребенка.

— Король, я держу тебя!

В следующую секунду У Жун был схвачен ребенком-призраком и упал с обрыва вместе с поездом.

<http://bllate.org/book/14127/1243705>